

Елена Мавченко

проза

Немецкий друг вывозил Ирину на Канарские острова вместе с ее шестилетним сыном Павликом. Решено было провести две недели у океана среди пальм, кактусов и счастливых туристов, слетавшихся со всех концов света. Друг ожидал их в Гамбурге, чтобы вместе загрузиться в серебристый аэробус, держащий курс на Маспаломас, в страну вечного лета, в новую безоблачную и прекрасную жизнь.

Друга звали Клаус. Служил он в солидной фирме, торговавшей моющими средствами. Клаусу было под сорок, женат он никогда не был, жизнь вел размеренную и ничем не примечательную: слыл хорошим работником, вечерами читал газеты, смотрел телевизор или сидел с друзьями за кружкой пива. Три-четыре раза в год летал по делам фирмы в Таиланд, где сошелся с администраторшей местного отеля. Была она большезуба и кривонога, но добра и душевна, а главное, преданно любила Клауса за покладистость и щедрость. И Клаус уже стал было подумывать, а не жениться ли на своей тайской подруге и не свить ли тихое гнездо подальше от портового Гамбурга, безалаберно и шумно живущего на семи ветрах. Но на беду занесла его насмешливая судьба в Петербург, где он встретил Ирину, и полетела в тартарары вся его расчерченная и размеченная, добротной устроенная жизнь. Ирина вошла в автобус, поприветствовала гостей с попусторонней, блуждающей полуулыбкой и поразила сердце Клауса – немедленно и бесповоротно. Ее ореховые глаза, меланхолический наклон головы и плавные, будто зависавшие в воздухе фразы безжалостно затмили петербургские красоты. Показалась она Клаусу невиданной жар-птицей, и проснулось в нем незнакомое, безрассудное желание – ну же, не трусь, ухватиться за золотое перо, ведь вот она – цветная и сладкоголосая, не похожая на строгую разметку автобана жизнь, только протяни руку... И маленький круглый Клаус, в глазах которого появилась безумная решимость тевтонских предков, сделал первый шаг...

Питер Ирина любила какой-то нутряной наркоманской любовью. Жила она на улице Зеленина в однокомнатной

квартире с эркером, в старинном доме, который, словно обнищавший аристократ, возвышался посреди грязного, запущенного двора. В комнате спали отец, мать и Павлик, а диванчик Ирины стоял на кухне, прямо в эркере. Дождливыми ночами она представляла себе, что лежит в спальне Ласточкиного Гнезда, а внизу шумит штормовое море. Под этот гул и рокот она беспokoйно засыпала, чтобы чуть свет проснуться от топотания и возни домашних, звонкого голоса Павлика и запаха неизменной овсяной каши. Спросонья она одевала сына, собиралась сама, на ходу отпивая кофе жадными, торопливыми глотками, и, держа Павлика за руку, отправлялась сперва в детский сад, а потом в Интурист. Там ее уже ждал автобус – верный театр на колесах, где каждый раз разыгрывался заново один и тот же спектакль, и новые зрители хлопали, не жалея рук, роскошным декорациям и мастерству актрисы. Годами оттачивалась каждая жест, взгляд, поворот головы, каждая трогательная или величественная нота ее негромкого голоса. А после, поспешно скинув котурны, она галопом мчалась в садик за Павликом, забежала по дороге в магазин и возвращалась на родную кухню, в свое Ласточкино Гнездо, нависшее над монотонным гулом мостовой. Свой брак, короткий и бездарный, Ирина вычеркнула из памяти и теперь жила, время от времени ныряя с головой в какую-нибудь полубезумную историю, где любовь была мучительна и неутолима, любимые сложны, а конец предрешен.

Ухаживания Клауса Ирину поначалу раздосадовали, потом рассмешили, а под конец растрогали. А почему бы и нет, – однажды подумала она, – ну же, не трусь, ведь вот она – хорошая и понятная, не похожая на извечный горячечный

Елена Шевченко (1958) родилась в Казани. Окончила Казанский педагогический институт и аспирантуру при КГУ. Кандидат филологических наук. Автор поэтических сборников «Круги на воде» (1999), «День без сюжета» (2002), участница нескольких коллективных сборников. Работает преподавателем немецкого языка и литературы в КГУ. Публиковалась в журналах: «Казань», «Идель», «Квадратное колесо»

бред жизнь, только протяни руку... и она пригласила Клауса на семейный ужин.

Клаус волновался, как никогда в жизни. На Невском он купил Павлику чудовищного, в человеческий рост розового зайца, Ирининым родителям – торт с кремовым Исаакием, а Ирине – чудесный букет чайных роз, удивительно шедших к ее ореховым глазам. Стол накрыли в комнате, и после суматохи и неловкости первых минут полилась приятная, задушевная беседа. Отец Ирины подробно, со вкусом растолковывал Клаусу проблемы российского государства, мама заботливо подкладывала пироги и салаты, Павлик, раскрыв рот и боязливо держа зайца за гигантскую лапу, неотрывно смотрел на гостя, а Ирина, разомлевшая от шампанского и всеобщей благодати, плавно переводила с языка на язык. Расстались далеко за полночь: счастливый Клаус долго тряс руки Ирининым родителям, выражая безмерную благодарность за радушный прием, сонного Павлика неловко и нежно погладил по голове, а Ирину, вышедшую проводить его в парадное, стеснительно и страстно поцеловал в порозовевшую щеку.

Укладывая спать Павлика, Ирина присела на краешек его кровати и спросила: «Ну что, понравился тебе Клаус?» Павлик не то чтобы был в восторге от скучноватого гостя, но понимал, что великодушие его, выразившееся в размерах зайца, все же требовало благодарности, и не зная, как передать свои сложные чувства, он осторожно спросил: «Мама, а правда Клаус... немножко толстый?» Ирина рассмеялась, поцеловала сына в макушку и пошла спать в свой летающий эркер, который этой ночью кружился больше обычного.

И вот они суматошно и весело собирались на Канары, паковали сумки и чемоданы, Павлик заталкивал в рюкзачок маску с лапами и игрушечное подводное ружье, а Иринина мама потихоньку пыталась пристроить пакет с вареной курицей и пирожками. Раздались задиристые рулады звонка, и в квартиру ворвался Володька, муж Ирининой сестры Ми-

лы, который должен был отвезти их в Пулково. Ехать предстояло на выдавшем виды рыдване, который Володька приобрел у приятеля за триста баксов. Рыдван был помят и пятнист, что Володьку вполне устраивало – не сопрут! Он шустро носился вверх-вниз, закидывал вещи в багажник, по дороге ухитряясь приобнять тещу, подкинуть к потолку визжавшего от удовольствия Павлика и ответить комплимент свояченице. Володька и Мила жили вместе почти двадцать лет и заслужили у друзей титул «стахановцы любви». Володька был влюблен, как в первый день, ревновал Милу к сослуживцам, родным, подружкам, книжкам, телефонным звонкам и потихоньку вытеснил все это из ее жизни, подменив своим нечеловеческим обожанием. Мила поначалу сопротивлялась, пытаясь отстоять хоть маленькое пространство, но постепенно сдалась и полностью растворилась в Володькиной любви. Так и шли они по жизни, Вовочка и Милочка, – играли, ласкались, понарошку покусывали друг друга, как расшалившиеся котята, и с приветливым равнодушием поглядывали по сторонам.

Отъезжающие и провожающие шумно спустились во двор, по очереди перешагнули через дохлую мышь, уже дней десять аккуратно лежавшую посреди дороги, и загрузились в рыдван. Внутри у Ирины все пело и кричало взахлеб: «Прощай, двор, сто лет не выдавший дворницкой метлы! Прощай, дохлая мышь! Прощай, родная нищета! Да здравствует синий океан, потухший вулкан и пустыня Сахара!»

В Гамбурге их встретил сияющий Клаус. На своей территории он чувствовал себя гораздо уверенней – мягко взял бразды правления в свои руки, распорядился насчет багажа, вручил Ирине проспект с изображением канарских красот и препроводил их с Павликом в бар, где те потихоньку стали осмыслять свое новое положение. Голова слегка кружилась от непрестанного мельтешения белых, черных и желтых лиц, компьютерного голоса диспетчера, легкого погромыживания багажных тележек и чужого

парфюмерного запаха, витавшего в воздухе. Павлик сосредоточенно потягивал из соломинки кока-колу, Ирина помешивала ложечкой остывший кофе, а Клаус с пугливой нежностью всматривался в их молчаливые лица.

Не прошло и двух часов, как они уже сидели в сверкающем аэробусе, следовавшем курсом Гамбург – Маспаломас. Павлик, обласканный и одаренный улыбочивыми стюардессами, занялся своими новыми сокровищами: крошечным самолетиком с журавлем Люфтганзы на боку и круглым леденцом на палочке в бумажке невиданной красоты. Клаус только сейчас вполне осознал, что вот она, – его непостижимая и недосягаемая жарптица, сидит рядом и по его хотенью и веленью летит с ним в отпуск, но отпуск – это только начало, прелюдия, сладкий пролог к долгой, счастливой жизни, в которой она всегда будет рядом – сидеть вот так, чуть склонив голову, и глядеть вдаль своими ореховыми в крапинку глазами. И не в силах сдерживать накативший восторг, он накрыл ее тонкие пальцы своей пухлой ручкой и гордо воскликнул: «Мышка! Мы это сделали!» Ирина вздрогнула, вымученно улыбнулась и отвернулась к иллюминатору.

Канары ударили в глаза непривычно горячими красками: синим, коричневым, желтым. Закатное солнце, прежде чем камнем провалиться за горизонт, напоследок расцветило небо космическим фейерверком, после чего день мгновенно сменился крошечной экваториальной ночью. От этой роскоши и безмерности хотелось петь, кричать, совершать большие и маленькие безумства, и автобус, бесшумно въезжавший в ворота бунгало-парка, казался Ноевым ковчегом, плывущим на сладкий зов показавшейся из океана земли.

Отель, который должен был стать их первым общим домом, состоял из раскинувшихся на скудной серой земле бунгало. Он издавна был облюбован немцами, отчего и обычаи там царили немецкие. Включенный в пансион завтрак – дело святое, а потому заспанные колонисты в восемь утра дружно тянулись

на запахи шведского стола. Но участь соотечественников Клаусу разделить не удалось: вставать в такую рань Ирина наотрез отказалась и, пробурчав сквозь сон что-то недоброе, отвернулась к стене. Озадаченный Клаус быстро заморгал маленькими глазками, но, настроенный на счастье любой ценой, побежал в местный супермаркет, чтобы запастись провизией. Так и повелось: часов в десять-одиннадцать Ирина и Павлик не спеша вставали, приветствовали курившего на крылечке Клауса, и все вместе они уютно завтракали на удивленье проходившим мимо туристам. Те громко здоровались, с фальшивой сердечностью желали им приятного аппетита, а потом горячо обсуждали непутевое семейство. Клаус, похотывая, вальяжно разваливался в плетеном кресле, всем своим видом показывая: да, мы такие, живем без предрассудков, делаем, что хотим, вот вам! Но предательское напряжение внутри не отпускало, и тихий паскудненький голосок так и подзуживал: «Непорядок! Непорядок!» И вся эта путаница и сумятица так явственно отражалась на его круглом лице, что Ирина отводила глаза.

После завтрака было принято отправляться на океан или жариться на лежаках у бассейна. Вместо обеда следовала продолжительная сиеста, и лишь под вечер колонисты прихорашивались и разбредались по окрестным ресторанам, чтобы с лихвой вознаградить себя за многочасовое добровольное воздержание. Клаус в первый же день разъяснил Ирине и Павлику неписанные законы здешнего отдыха, но его опять ожидал бунт на корабле. Когда наступало обеденное время, Павлик начинал хныкать, и Ирина решительно шла к холодильнику и накрывала на стол. Клаус обедать отказывался и молча курил на крылечке. Не были оценены и изыски чопорных курортных ресторанов. По вечерам Ирина с Павликом тащили Клауса в незатейливые прибрежные кабаки, где тусклые желтые лампочки пробивали ночную черноту, где брезент крыши надувался сырым океанским ветром, а уличные му-

зыканы фальшиво и весело вопили «O, sole mio». Мать с сыном с аппетитом уплетали дешевые сосиски, а Клаус брезгливо ковырялся в тарелке.

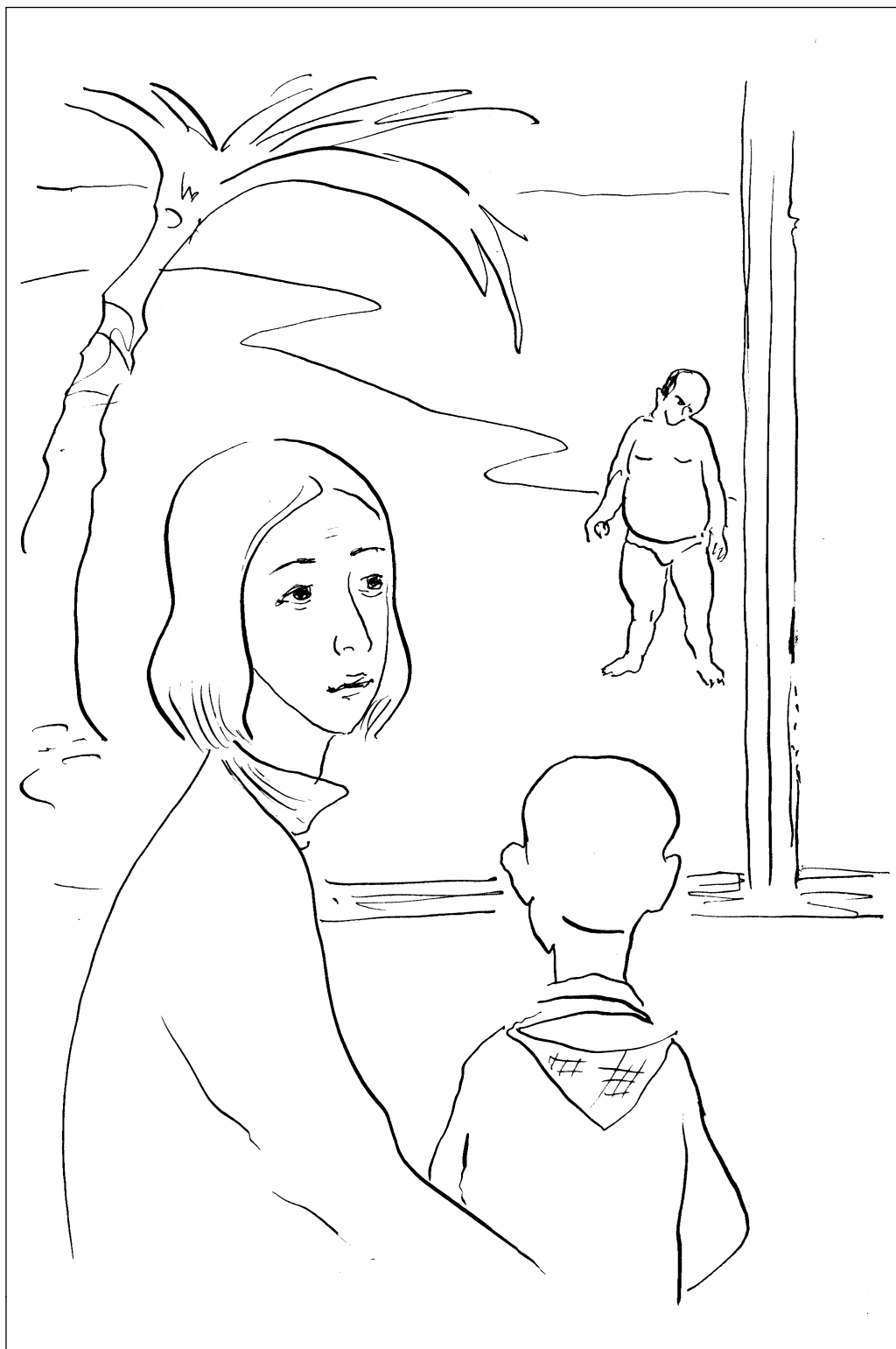
Дорога к океану тянулась вдоль пыльного русла высохшей реки, жара стояла мертвящая, а окаменевшие вараны смотрели своими реликтовыми глазами в вечность. Павлик, улюлюкая и хлопая в ладоши, пытался спугнуть их, как пугал юрких российских ящериц, но они, не достаивая его взглядом, медленно уползали в расщелины камней, точно древние потревоженные старцы. Океан неожиданно распахивался за поворотом дороги и слепил своей синевой. Павлик, не умеющий плавать, с разбегу бросался в воду, а Ирина бежала за ним, оберегая его от волн, ветров и акул. От надоедливой материнской заботы Павлик начинал капризничать и злиться, Ирина уставала от тревоги и бестолкового барахтанья в воде и, надувшись, они усаживались под зонтом на разных концах лежака. Клаус робко переводил взгляд с одного на другого, потом тихонько исчезал и возвращался с тремя порциями мороженого. После нескольких дней отдыха было принято решение больше на океан не ходить, а купаться в бассейне.

Кроме немцев, в отеле отдыхал гарем богатого иранца. Жены и дети, мамы и няньки живописной группой располагались вокруг бассейна, занимая все свободные лежаки. Жены лениво переругивались, горластые няньки зорко следили за детьми, девочки спокойно играли вблизи мамаш, а мальчишки кувыркались в бассейне. Иногда по вечерам появлялся худенький незаметный хозяин с дипломатом в руке, и тогда пестрое пятно гарема медленно перетекало в сторону ближайших бунгало и втягивалось в их приоткрывшиеся глубины. В бассейне Павлик очень быстро научился плавать и целыми днями нырял вместе с мальчишками из гарема, отлично объясняясь с ними на никому не известном языке. Он возбужденно рассказывал про своего нового друга Азиза, у которого дома есть собственная лошадь и

свой бассейн. А Ирина и обгоревший, похожий на сосиску-гриль Клаус сидели под зонтиком у бассейна, наблюдали за Павликом, потягивая холодный сок, и, по примеру варанов, постепенно впадали в сомнамбулическое оцепенение.

С беспокойством читая скуку на посмуглевшем Иренином лице, Клаус приготовил сюрприз. Обязательным номером туристической программы было катание на верблюдах в долине тысячи пальм. Разбитной гид-швейцарец, щипавший молоденьких туристок и сыпавший шуточками в сторону заспанных парочек, рассадил своих подопечных по джипам. Длинной вереницей двинулись они по извилистой дороге вверх, к жерлу потухшего вулкана, где окунулись в холодное мокрое облако, а затем вниз, в глубокое ущелье, где раскинулся, красуясь пальмовой рощей и топорщась колючками кактусов, Сафари-парк. Вопившего от радости Павлика водрузили верхом на верблюда, а Клаус и Ирина забрались в люльки, висевшие по бокам. Караван начал свое медлительное шествие по долине пальм. Казалось, что пыльные верблюды сотни лет бродили по барханам, собирая в свою жесткую шерсть весь песок и всю тоску пустыни. Скоро стало ясно, что животное им досталось хитрое и коварное. Стоило погонщику отвернуться, как верблюд делал крутой крен и протаскивал Ирину люльку через кустарник, увешанный красными ягодами. Однако в следующую секунду взгляду погонщика предстало невозмутимое животное, которое послушно, точно привязанное к хвосту товарища, следовало по узкой тропе. Измученная жарой и тряской, со скрипучей пылью на зубах, в пятнистой испорченной юбке Ирина, наконец, спрыгнула на землю. Долго тлевшее раздражение прорвалось, вытекло злыми мелкими слезами. А Клаус смотрел на нее с детским испугом и растерянно искал сигарету.

А вскоре в Павлике проснулась ревность. Во время прогулок он шел между мамой и Клаусом, потихоньку оттирая того в сторону. Перед сном он всеми

правдами и неправдами старался оттянуть минуту, когда за мамой и Клаусом закрывалась дверь и он оставался один в детской. В ход шло все: и внезапная боль в животе, и страх перед полудикими кошками, прыгавшими по ночам в открытые окна, и тоска по бабушке с дедушкой. Терпение Клауса не знало границ, но в этом вопросе он был непреклонен: рано или поздно дверь закрывалась, тихо поворачивался ключ в замке, и Павлик оставался один. Он сколько угодно мог распалать свою горячую детскую ненависть, времени было хоть отбавляй. Но усталость брала свое и, ревниво прислушиваясь к звукам в соседней комнате, он незаметно для себя засыпал. И вот однажды Павлик сбежал. Увидев, как Клаус обнимает маму за плечи, он просто нырнул в придорожный кустарник и исчез. Обезумев от страха, Ирина бегала вдоль русла высохшей реки, заглядывала в каждый двор, за каждую пальму, кружила по бунгало-парку, расспрашивая встречаемых и поминутно глядя на катившееся к горизонту солнце. Клаус звонил в полицию, вел переговоры с персоналом и, как мог, пытался успокоить Ирину.

Он появился на пороге бунгало так же неожиданно, как исчез, вынырнув из подступающей темноты. Он был так напуган, что молча жался к Ирениной ноге и смотрел то на нее, то на Клауса несчастными виноватыми глазами. Ирина плакала и гладила его по волосам, а в голове с бредовой навязчивостью вертелись слова из недавно прочитанной Павлику сказки: «Ну, что, Данило-мастер, не выходит каменный цветок?» И ощущение тоскливой непоправимости, увесистой последней капли накрыло ее, как непроглядная тропическая ночь. Клаус бегал из угла в угол, повторяя: «Почему он так? Зачем он так?», но за этой бестолковой скороговоркой вырастал совсем другой вопрос, от которого он с детским упрямством отворачивал свое круглое лицо. От расстройства Клаус проглотил зубную коронку и теперь сидел в позе «лотос», заговаривая боль, как учила его тайская подруга.

Ирине стало безумно жаль и его, и себя, и Павлика, и их неудачницу-мечту, и представились они ей маленькими игрушечными человечками на далеком острове, затерянном в океане. Им была явлена красота мира, а человечки ухватились за свою спасительную неумелость, за дорогие детские страхи и любимые недуги, и красота отвернулась от них, и не видать им мелькнувшего было счастья, и потерял из виду голубь зазеленевшую в океанских волнах новую землю. Она погладила руку Клауса и вышла из бунгало на душный ночной воздух.

Назад летели молча. Павлик спал. Клаус грустно размышлял о том, что топиться с перестройкой дома пока, пожалуй, не стоит. Забывшись коротким тяжелым сном, он увидел на берегу реки свою тайскую подругу, сидевшую на большом нагретом солнцем камне. Она улыбалась своей большезубой улыбкой и держала на раскрытой ладони его проглоченную коронку. А Ирина тем временем смотрела на иллюминатор, где небесный тропический фейерверк сменился непроницаемой чернотой, и как заведенная повторяла про себя: «В Питер! В Питер! В Питер!»

В Гамбурге их встретили друзья Клауса. Были они как один радушны, громкоголосы и некрасивы. Во время прощального обеда в переполненном ресторанчике аэропорта они травили анекдоты, хохотали и громко сморкались. Ирина улыбалась, машинально наматывала на вилку спагетти, смеялась шуткам, не вслушиваясь и не понимая, и мыслями уже была в самолете, где молоденькая стюардесса объявляла: «Уважаемые пассажиры! Пристегните ремни, через несколько минут наш самолет произведет посадку в аэропорту Пулково...». Сидевший напротив Клаус с печальной пронизательностью смотрел на нее и в этой отчаянной печали не казался уже ни смешным, ни нелепым, ни «немножко толстым», и Ирина полуулыбкой поблагодарила его за этот всепонимающий взгляд.

Володька прыгал и махал из-за заго-

родки, и Павлик, увидевший его первым, с визгом бросился навстречу. Из-за Володькиной спины показалась Милочка, потом мама и папа, и Ирина побежала, с ошалевшим колотящимся сердцем толкая перед собой багажную тележку. Сквозь поцелуи и объятия гремел Володькин восхищенный голос: «Ну, свояченица, ты даешь! Ну и загар! Все питерские мужики твои!» Бестолково и шумно загрузились в рыдван, весело тряслись и подпрыгивали на ухабах. Старавшийся всех перекричать Павлик рассказывал про друга Азиза, варанов, чудесный бассейн и противный океан, а потом спросил: «Мама, а мы поедem купаться на Васильевский?» «Конечно, поедem», – засмеялась Ирина и, глядя на свои глад-

кие коричневые коленки, торчавшие из-под короткой белой юбки, почувствовала себя восемнадцатилетней девочкой, возвращающейся с юга похорошевшей и свежей, девочкой, с которой прямо сейчас, ну, может быть, завтра начнут происходить удивительные вещи, и любовь, какой она не знала до сих пор, вот-вот обрушится с белого питерского неба.

А вот и Зеленина, а вот и знакомая арка, и летающий эркер. Что-то случилось с городом, он то ли вырос, то ли наоборот стал ниже ростом. Распахнулись двери рыдвана, все, галдя и переговариваясь, высыпали на улицу, разбирая чемоданы и сумки. Ирина в нетерпении вбежала во двор. Посреди дороги аккуратно лежаладохлаямышь.